

УДК81'367.633:[81-115:81-1164:81-1163:8123]

Е. В. Цымбалюк

НЕПРОИЗВОДНЫЕ РУССКИЕ ПРЕДЛОГИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ВЕКТОРЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Цымбалюк Є. В. Непохідні російські прийменники в історичній лексикографії: вектори семантичного осмислення.

У статті вивчається розуміння мовної природи прийменників і омонімічних префіксів у лексикографії XVIII – XIX ст. Аналіз непохідних прийменників в словниках і граматиках XVIII – XIX ст. дозволяє виявити динаміку осмислення семантики прийменників і витоки сучасних лінгвістичних теорій про мовну природу пропозиційної лексики.

Ключові слова: прийменник, слово-морфема, слово-речення, структурний аналіз, когнітивно-ономасіологічний аналіз, функціональний аналіз.

Цымбалюк Е. В. Непроизводные русские предлоги в исторической лексикографии: векторы семантического осмысления.

В статье изучается понимание языковой природы предлогов и омонимичных префиксов в лексикографии XVIII – XIX вв. Анализ непроизводных предлогов в словарях и грамматиках XVIII – XIX вв. позволяет выявить динамику осмысления

семантики предлогов и истоки современных лингвистических теорий о языковой природе пропозициональной лексики.

Ключевые слова: предлог, слово-морфема, слово-предложение, структурный анализ, когнитивно-ономасиологический анализ, функциональный анализ.

Tsybalyuk E. V. The non-derivative Russian prepositions in historical lexicography: vectors of semantic comprehension.

This article studies the understanding of the language nature of prepositions and their prefixes homonymous in the lexicography of XVIII – XIX centuries. The analysis of non-derivative prepositions in dictionaries and grammars of XVIII – XIX centuries reveals the dynamics of understanding the semantics of prepositions and the origins of modern linguistic theories about the nature of the propositional language vocabulary.

Key words: preposition, word-morpheme, word-sentence, structural analysis, cognitive-onomasiological analysis, functional analysis.

Постановка проблемы. В современной лингвистике наблюдается интерес к теориям, изучающим прототипические структуры языка, которые представляют собой семантические универсалии, способные находить реализацию в единицах и конструкциях различных категорий и уровней. Идея обращения к прототипическим значениям языковых знаков свидетельствует об актуальности исторического метода, широко распространенного в XIX веке и позволяющего придать всему анализу очевидный объяснительный характер.

Актуальность изучения проблемы категоризации предложной и префиксальной единиц обусловлена такими общетеоретическими задачами современной лингвистики, как определение связи процессов концептуализации и категоризации действительности, установление системной и функциональной природы элементов языка, выявление особенностей их мотивированности, изучение феномена интеграционных процессов в динамике языкового развития.

Цель работы заключается в выявлении истоков основных положений современных направлений лингвистики в вопросе категоризации непроектируемых предлогов и омонимичных им префиксов в отечественном языкознании XVIII–XIX вв. В ходе исследования были поставлены следующие задачи: 1) описать существующие в отечественном языкознании XVIII–нач. XX вв. концепции языковой сущности омонимичных предлогов и префиксов; 2) выявить связь базовых современных лингвистических теорий: структурной, функциональной и когнитивной – с традицией осмысления данной проблемы в эпоху сравнительно-исторического метода.

С момента появления первых оригинальных грамматик и до сегодняшнего дня в теории отечественного языкознания продолжается обсуждение дискуссионного вопроса по поводу установления языковой природы предлогов. В лексикографии XVIII–XIX вв. обнаруживается проблема смешения дефиниций «предлог» и «префикс», которая выражается в определении префиксальных морфем как обусловленных синтаксической позицией вариативных употреблений предлогов. В академических изданиях «Церковный словарь» П. А. Алексеева (1773–1779), «Корнесловъ русскаго языка» Ф. И. Шимкевича (1842), «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ» (1847), «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» В. И. Даля (1863–1866), «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка» И. И. Срезневского (1893–1912), грамматиках В. Е. Адодурова, К. С. Аксакова, А. А. Барсова, Ф. И. Буслаева, А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова, Н. Г. Курганова, М. В. Ломоносова, Д. Н. Овсяннико-Куликовского выделяются два вида предлогов: «слитный» и «раздельный» [1, с. 128; 5, с. 141; 8, с. 112; 9, с. 231–232; 10, с. 75; 17, с. 5, 47; 19, с. 58; 20, с. 123; 23, с. 649–650; 24, с. 194].

Понимание предлога как единицы и лексического, и словообразовательного уровня языка связано с проблемой установления дефиниции «слово» и отсутствием термина «морфема» в теории русистики эпохи сравнительно–исторического метода. В научной мысли этого периода в качестве наименьшей структурной единицы языка используются три взаимозаменяемых термина: «знаменательный слог» (А. А. Барсов, Н. И. Греч, Н. Г. Курганов, М. В. Ломоносов), «первообразное слово» (А. А. Барсов, А. А. Потеня) и «корень» (А. А. Барсов, Н. И. Греч, Н. Г. Курганов, А. А. Потеня). Термином «знаменательный слог» обозначается «слогъ, способствующій къ образованію словъ» и называющий «нѣкоторыя вещи, дѣянія, и вообще мысли» [9, с. 17; 23, с. 63]. «Первообразным словом» называется непроеизводная основа для ряда однокоренных слов или праоснова [22, с. 17–18; 23, с. 64, 96]. Термин «корень» используется в качестве синонима двух вышеуказанных терминов – «знаменательный слог» [9, с. 17; 22, с. 19–20] и «первообразное слово» [17, с. 5; 22, с. 17; 23, с. 65, 91;] и, таким образом, является омонимичным. На основании смешения понятий «корень», «слог» и «слово» лексемы, имеющие в своем составе аффиксы,

традиційно вважаються складними [8, с. 4; 10, с. 38; 17, с. 6; 19, с. 105; 20, с. 101, 123; 23, с. 63–64, 91; 24, с. 167].

Проблема морфемної типології входять в структуру лексики «корней» в лінгвістичній XVIII–XIX вв. обумовлена специфікою рішення питання про розрізнення слово- і формообразовательних формантів. Так, з однієї сторони, граматики в системі коренів виділяють «головні» – власне кореневі морфеми, представляють собою прототипічну основу слова, і «придаточні» – визначені сучасною наукою як «афікси» [9, с. 17; 23, с. 65]. При цьому А. А. Барсов, А. Х. Востоков, І. І. Давидов, М. В. Ломоносов, А. С. Шишков не відзначають суфікс як структурну частину слова, класифікуючи всі стоячі після корня морфеми як «окончання» – «ті послѣднія буквы», «не имѣющіе точно опредѣленнаго знаменованія отъ каковыхъ либо словъ заимствованнаго» [8, с. 4; 23, с. 96]. В результаті під «придаточними корнями» розуміються виключно префіксальні морфеми, а термін «приставка» отримує широке трактування і використовується для позначення афіксів будь-якого типу. Так, во другій половині XIX століття, в період зародження терміна «суфікс», в праці «Опытъ русской грамматики» (1880) К. С. Аксаков визначає його наступним чином: «суфіксъ – это приставка, <...> не имѣющая прямого образовательнаго, ни словопроизводнаго значенія» [1, с. 20].

З іншої сторони, в зв'язі з тим, що порівняльно-історичний метод ґрунтується на аналізі мови через виявлення прототипічних інваріантів його структурних одиниць, в історичній граматиці утверджується точка зору на походження службових слів з означальних, а дериваційних і граматических формантів з лексем [4, с. 198; 21, с. 110–111; 22, с. 17–21]. В працях А. В. Добиаша, Н. Г. Курганова, А. Л. Погодіна, А. А. Потебні слово розглядається як синтаґма, а предлоги, слитні і роздільні, – як древніші корні-основи дофлексивного періоду [11, с. 234, 238–239; 17, с. 5; 21, с. 73, 110–113; 22, с. 20–21]. Розуміння предлогів і префіксів як первобазисних слів з просторовою обставленою семантикою приводить А. А. Шахматова в праці «Синтаксис русского языка» до висновку про їх адвербіальну природу і до визначення «префіксів» як окремого лексико-граматического розряду слів в складі службових частин мови [30, с. 504].

Таким чином, в теорії русистики XVIII–XIX вв. проблема визначення мовної природи префіксальної і предложної одиниць виражається в питанні про «слитне» і «роздільне» написання

предлогов и решается тремя способами: 1) определением предлога как «слога», формирующего состав морфемной структуры слова либо оформленного в отдельную лексему (В. Е. Адодуров, П. А. Алексеев, Ф. И. Буслаев, М. В. Ломоносов); 2) как «первообразного слова» [непроизводной основы], реализуемого либо на морфемном, либо на синтаксическом ярусе языка (К. С. Аксаков, И. И. Давыдов, А. В. Добиаш, Н. Г. Курганов, А. Л. Погодин, А. А. Шахматов); 3) как «придаточного корня» [аффикса] и слова служебной части речи (А. А. Барсов, А. Х. Востоков, Н. И. Греч, Н. Г. Курганов, А. С. Шишков). Данные представления находят отражение в базовых идеях основных направлений лингвистики XX века – структурном, когнитивном и функциональном, и продолжают быть дискуссионными на настоящем этапе развития отечественной научной мысли.

Понимание предлога как «слога», входящего в состав морфемной структуры слова либо оформленного в отдельную лексему, формирует морфемную концепцию языкового статуса служебного слова. При таком подходе «слово» определяется как минимальная номинативная единица – слоговая структура (морфемный комплекс), выражающая лексическое – заключенное в «главном, корневом слог», и категориальное – определяющее принципы взаимосвязи с другими словами и содержащееся в «окончании», значения. Данное определение номинативной единицы зарождается в первой трети XIX ст., отражается в трудах К. С. Аксакова, Ф. И. Буслаева, А. Х. Востокова, И. И. Давыдова, А. А. Потебни, Ф. С. Шимкевича, А. С. Шишкова, А. А. Шахматова [1, с. 19–20; 5, с. 72–73; 8, с. 4; 10, с. 54; 22, с. 14, 20, 34; 30, с. 431–432; 31, с. XI; 32, с. 262–264] и основывается на идее наличия или отсутствия у лексем парадигмы словоизменения как основного критерия в вопросе разделения частей речи на знаменательные и служебные, бытующей в первых оригинальных грамматиках и словарях, изданных в конце XVIII – начале XIX вв. Так, предлоги в «Церковном словаре» П. А. Алексеева (1815), грамматиках А. А. Барсова (1783–1785) и Императорской российской Академии (1819) трактуются как «нѣизменяемая» или «несклоняемая» часть речи, перед другими частями речи раздельно или слитно употребляемая [2, с. 231–232; 23, с. 648; 24, с. 294]. На основании одноморфемности структуры, фонетической несамостоятельности и функции служить показателями грамматических отношений знаменательных частей речи непроизводные предлоги в работе «Изъ записокъ по русской

грамматикѣ» (1874) А. А. Потебни определяются как «слова лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ суффиксы», а в трудах «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (1858) Ф. И. Бушлаева и «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» И. И. Давыдова (1854) – как слова, «тождественные окончаніямъ» – суффиксам и флексиям, выражающим грамматическія отношенія полнозначныхъ словъ в предложении вне ихъ морфемной структуры, в связи с чемъ классифицируются как «формальные, грамматическія слова» и «слова формъ» [5, с. 45, 98; 10, с. 13, 61, 259; 22, с. 34–35]. Такимъ образомъ, лексическій статус служебныхъ словъ признается формальнымъ и омонимичные предлоги-приставки классифицируются какъ структурныя единицы полнозначнаго слова.

Идея номинативной недостаточности означаемого корневого морфа в связи с его указанием на понятие, не классифицированное в отношеніи категориальнаго значенія, является базовой в построении теории структурной лингвистики, создаваемой в началѣ XX вѣка и представленной в отечественной лингвистикѣ работами Г. О. Винокура, И. Р. Выхованца, В. М. Русановскаго, А. И. Смирницкаго, Ф. Ф. Фортунатова и др. Структурное направленіе продолжаетъ рассматривать омонимичные предлоги и префиксы какъ синтаксическія корреляты и квалифицируетъ предлоги с точки зренія ихъ словообразовательной членимости. В связи с одноморфемностью структуры непродуцированныхъ предлоговъ, отсутствіемъ у нихъ категориальнаго и лексическаго значеній, парадигмы словоизмененія и невозможностью самостоятельной синтаксической реализаціи структурализмъ квалифицируетъ такіе единицы какъ промежуточное образованіе – «слова-морфемы» («агглютинативныя префиксы» или «препозиціонныя флексіи»), находящіеся наряду с аффиксами в составѣ формообразующихъ средствъ языка [6; 7]. Такимъ образомъ, природа и функція аффиксовъ понимаются двояко: одни изъ нихъ признаются синтетическими, ихъ предназначеніе – обслуживать сферу морфологическаго слова, другіе – аналитическими, организующими синтагматику слова.

Концепція предлога какъ «первообразнаго слова» [непродуцированной основы], реализуемаго либо на морфемномъ, либо на синтаксическомъ ярусѣ языка, рассматриваетъ полнозначную лексему с позиціи вышеизложенной «слоговой теории» служебныхъ словъ и морфемъ – какъ слоговую синтагму, однако самъ «знаменательный слогъ» определяется не какъ формирующий структуру полнозначнаго слова неноминативный знакъ, а какъ прототипическій корень-основа,

функционирующий в качестве полнозначных слов в дофлексийном периоде развития языка и представленный на синтетическом этапе морфемами любого типа [1, с. 128; 11, с. 234, 238–239; 21, с. 73, 110–113; 22, с. 20–21]. Морфемы и служебные слова в «словной теории» изучаются либо в словообразовательной структуре слова, либо в составе предложения по выражаемым ими логическим или грамматическим категориям: корневые и префиксальные «корни-основы» признаются реликтами древнейших «слов-понятий», окончания, предлоги и союзы – «слов отношений понятий» [10, с. 11–13]. Таким образом, в отличие от термина «слова форм» «слоговой концепции» служебных слов и морфем, отображающего понимание служебных слов как единиц, тождественных словоизменяемому окончанию, термин «слова отношений» «словной концепции» служебных слов и морфем рассматривает выражаемую ими релятивную семантику в качестве категориального значения соответствующих прототипических полнозначных лексем.

В результате обладающая флексией полнозначная лексема в «словной концепции» предлогов-приставок осознается как свернутое предложение, что отражается в грамматиках конца XVIII–XIX вв. смещением дефиниций «рѣченіе» (или «слово») и «рѣчь» (т. е. предложение). Так, термин «рѣченіе» используется для обозначения следующих понятий: 1) грамматической структуры знаменательного слова, отображающей его лексическое и категориальное значение [1, с. 18, 21; 10, с. 11; 22, с. 100]; 2) «дофлексийного корня-основы», или «знаменательного слога» (словообразовательной морфемы) [1, с. 17; 23, с. 63]; 3) словообразовательной структуры знаменательного слова, представленного «наращением слогов» [17, с. 1, 5; 19, с. 20, 49–50; 23, с. 63; 24, с. 7–8], вследствие чего слово определяется как предложение или «рѣчь» [10, с. 11; 27, с. 223]. Понимание слова как «свернутого предложения» также отразилось в представлениях языкознания XVIII–XIX о разделах языкознания. Так, в трудах XVIII – XIX в грамматике традиционно выделяется два раздела – «этимологія» (или «словообразованіе», «словопроизводеніе», словопроизведеніе», «словопроизводство») и «синтаксісь» («словосочиненіе», «рѣчь») [8, с. 1–2, 116; 9, с. 1; 10, с. 21; 17, с. 1; 23, с. 90, 153; 24, с. 32, 197]. Учение о частях речи относится грамматистами либо к «частному раздѣлу этимологіи» как учение о «произведеніи словъ по свойству выражаемых ими понятій и чувствованій» [9, с. 1, 22], об «ихъ составныхъ частяхъ и измененіяхъ, и распредѣленіи по рядамъ» [8, с. 2]

(А. А. Барсов, А. Х. Востоков, Н. И. Греч, Н. Г. Курганов, Российская грамматика 1819 г.), либо к «синтаксису» – как учение о «расположеніи частей рѣчи и взаимномъ оныхъ соединеніи» «по ихъ надлежащимъ падежамъ, родамъ, числамъ, лицамъ, временамъ и местамъ» [17, с. 4, 55; 24, с. 197] (А. А. Барсов, Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, Н. Г. Курганов, Российская грамматика 1819 г.).

Сами прототипические слова на основании того, что в дофлексийный период развития языка не существовало лексико-грамматических категорий, в сравнительно-историческом методе языкознания определяются как «корни безотносительные», означающие «неразложенное воспріятіе, безразличную совокупность дѣятельности или качества и предмета» [22, с. 102–103] и классифицируются как «древнейшие предложения» [1, с. 151; 10, с. 11; 22, с. 100; 31, с. XI]. Так, И. И. Давыдов в работе «Опытъ русской грамматики» (1854) отмечает: «Первое умственное сознание состоитъ изъ полной мысли, и первое слово челоѵѣка – предложеніе» [10, с. 11]. Данное положение истолковывается А. А. Потебней в работе «Изъ записокъ по русской грамматике» (1874) следующим образом: «подъ «предложеніемъ» безсознательно разумѣется <...> психологическое (не логическое) сужденіе при помощи слова. Первое слово служить связью двухъ мысленныхъ единицъ: объясняемой (психологический субъектъ) и объясняющей (психологический предикатъ). Такое слово есть представленіе объясняемаго. Сочетаніе двухъ такихъ словъ есть представленіе объясняемаго и представленіе объясняющаго безъ всякаго сознанія ихъ отношеній» [22, с. 100]. Таким образом, во второй половине XIX века анализ понятийной структуры слова начинает основываться на выявлении значения пропозициональных компонентов в его словообразовательной структуре.

Предлоги в «словной концепции» служебных слов и морфем понимаются как корни, «изготовленные на скорую руку, чтобы удовлетворить <...> самую примитивную <...> и первую потребность <...> в движении человеческой мысли» [11, с. 234], и рассматриваются как свернутые «суждения». Так, в труде «Опытъ русской грамматики» (1880) К. С. Аксаков определяет предлог как «корень имени, обнаженный отъ его формы, слѣдовательно одно содержаніе, значеніе, мысль и уже не имя болѣе», корень имени, «который вносить новое понятіе, еще смутно, какъ намекъ, понятіе движенія, движущей силы, силы дѣйствующей, обозначившейся уже въ управленіи падежами», и характеризует его уникальную языковую природу способностью «разрѣшать сферу

выразившагося въ словѣ бытія въ покоѣ» [1, с. 150–151]. Проблема определения языкового статуса «слитных» и «раздельных» предлогов решается выявлением выражаемых ими логических или грамматических категорий как актуализации компонентов свернутой предикативной структуры: префиксы характеризуются как формирующие сложное слово «корни» и относятся к разряду «слов-понятий», предлоги в сочетании со словом в падежной форме по выражаемой ими семантике релятивности отождествляются с окончаниями полнозначных слов и классифицируются как древнейшие «слова отношений» [10, с. 11–13, 61, 259]. Таким образом, языковая природа «слитных» и «раздельных» предлогов определяется как корни-основы, способные выражать и лексические, и грамматические категории.

Предложенная в «словной концепции» служебных слов и морфем методология анализа языка находит отражение в принципах когнитивно-ономасиологического подхода к изучению языка, зародившегося во второй половине XX века и развиваемого в отечественном языкознании в работах Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, В. И. Карасика, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, Ю. С. Степанова, В. И. Теркулова и др. Когнитивно-ономасиологический анализ основывается на выявлении в языке ментальных структур, представляющих собой семантические универсалии, способные находить реализацию в единицах различных категорий, уровней и конструкций. В качестве центральной единицы понятийной структуры языка, как и в «словной концепции» служебных слов и морфем сравнительно-исторического языкознания, когнитивистика выбирает морфему – минимальный сигнификативный конструкт в языковом сознании человека [3, с. 161–166]. Проблема функциональной омонимии в когнитивистике решается поиском инварианта исходной и трансформированной единицы – семантико-грамматического знака, находящего реализацию в различных грамматических категориях и представляющего сигнификативную взаимосвязь уровней языка. При установлении мотивации развития языкового знака утверждается о когнитивной природе деривации и наличии у нее номинативной функции в связи с выделением и фиксацией словообразовательными средствами новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира [16, с. 407; 26, с. 70]. Таким образом, для выявления языковых принципов выражения означающего в означаемом когнитивное направление использует методологию теории номинации, или ономасиологии,

которая заключается в установлении связи значения, подлежащего вербализации, с формой его выражения и в выявлении способов представления сигнификативных составляющих в структуре производного знака [14, с. 21–22]. В связи с этим словообразовательные модели начинают рассматриваться как «формулы регулярной свертки пропозициональной структуры», актуализируемой производными словами [16, с. 412], и утверждается наличие в производном слове таких компонентов пропозиции, как диктум, модус и предикат. Диктум (в терминологии ономазиологии – «базис») выражает объективный смысл семантической структуры слова, указывает на его принадлежность к определенному понятийному классу, родовому понятию, играет ведущую роль в его первичной категоризации, определении места в языковой картине мира и в словообразовательной структуре заключается в частеречных формантах. Модус (в теории ономазиологии – «признак») отражает субъективный компонент смысла единицы через референцию содержащихся в семантике диктума разнообразных неактуализированных свойств, сужая, таким образом, исходное значение диктума, и выражается основой лексемы. Предикат является смысловой связкой модуса с диктумом в соотнесенности с моментом коммуникации [13, с. 137–140; 16, с. 196–199]. Таким образом, основной задачей когнитивно-ономазиологического подхода является изучение сигнификативной функции производной единицы и ее роли в смысловой (целостной) структуре языковой единицы с учетом ее зависимости от исходного материала, подвергнувшегося трансформации.

Семантическая структура служебного слова и производных от него деривационных морфем интерпретируется как некая нечленимая сущность – в терминологии Дж. Лакоффа «схема-образ», – представляющая собой прототипическое значение слова [18] с пространственной пропозициональной семантикой (М. И. Конюшкович, Е. С. Кубрякова, Л. Ленгрен, У. Л. Чейф) [12, с. 201; 28, с. 173–174]. Способность непродных предлогов обладать пропозициональными значениями – выражением наиболее общих отвлеченных понятий – связывается с когнитивной функцией предлогов образовывать понятийный каркас координации пространства.

Ономазиологическое направление, опираясь при анализе понятийного конструкта языкового знака на его словообразовательную структуру, определяет предлоги как древнейшие корни-основы с материально не выраженными флексиями начальной формы [15, с. 11]; в связи с чем отсутствие словообразовательной членимости данных единиц

трактує як здатність в чистому вигляді виражати базисну прототипическу семантику – який унікальний, прагматически значимий мовний смисл, виконуючий функцію структурного категоризатора ментальної категорії пространства. В аспекте ономазіологіческої теорії наявність у предлога пропозиціонального значення при відсутності словообразовательного членення може свідечувати про наявність в його прототипическому базисі первинного «сгустка» пропозиціональної семантики, котра у производних слів представлена в вигляді «звернутої пропозиціональної структури». В зв'язі з чим аналіз функціональних омонімів предлог-приставка здійснюється через визначення загального прототипа і категоріальної семантики рівневих структур мови, в сфері котрих він проєцирується.

Теорії «словової» і «словної» природи предлогів-префіксів (структурна і когнітивна концепції) класифікують одиниці мови на основі їх морфемної структури, отображающей категоріальне значення. Від даних методик встановлення природи мовних знаків відрізняється функціональний підхід, визначаючий предлог і префікс як різнорівневі одиниці – «придаточний корінь» [аффікс] і слово службової частини мови. Слід звернути увагу на те, що в наукових працях XVIII–XIX вв. не спостерігається послідовного викладу якоїсь-будь концепції мовної природи омонімічних предлогів-префіксів і в одному виданні висловлюються різні теорії. Так, поряд з структурним підходом сосуцествує традиція визначення статусу мовних одиниць по їх призначенню в мові, котра бере початок в перших оригінальних граматиках – «Російській граматиці» М. В. Ломоносова (1755), «Письмовнику» Н. Г. Курганова (1793), і продовжується в працях «Нѣчто о предлогахъ» А. С. Шишкова (1825), «Практическа русская грамматика» Н. И. Греча (1827), «Русская грамматика» А. Х. Востокова (1831), «Опытъ общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова (1854), «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» Ф. И. Буслая (1858), «О значеніи формъ русскаго глагола» Н. П. Некрасова (1865) і др. Виходячи з морфемної структури і синтаксическої функції непроизводного предлога граматики XIX століття визначають його мовну природу або як слово з безфлективної корневої основою, обладающей релятивною (М. В. Ломоносов, А. С. Шишков), обстоятельственной (Н. Г. Курганов) або совмещающей релятивність і обстоятельственность (И. И. Давыдов, А. Х. Востоков) семантикою,

либо как слово, грамматическое окончание которого является падежным формантом управляемого имени (Н. И. Греч). Так, М. В. Ломоносов в качестве категориального значения предлогов указывает их грамматическую функцию: «знаменательныя части слова должны имѣть между собою соответствие <...> Къ сему служатъ особливия части заменяющія первыхъ другъ къ другу принадлежность, и называются Предлоги» [19, с. 24]; Н. Г. Курганов – понятийную: «сїи частицы называются предлогами по тому, что онѣ всегда раздѣльно и совокупно полагаются предъ прочими частями рѣчи, для означенія перемѣны обстоятельства и дѣянїи вещей» [17, с. 47]. И. И. Давыдов, продолжая рассматривать значение предлогов как выразителей обстоятельственной семантики и синтаксических отношений, первое характеризуют как «вещественное», эквивалентное знаменательной лексике, второе – как грамматическое, эквивалентное формантам: «предлоги тождественны съ нарѣчїями по означенію пространственнаго отношенія дѣйствїя, а съ падежами по означенію отношенія направленія» [10, с. 259]. Подобного мнения о языковой сущности предлогов придерживается и А. Х. Востоков: «отдельно поставленные предъ именами и мѣстоименїями, предлоги служатъ въ помощь падежамъ, показывая отношенія мѣжду предметами, <...> слитно съ глаголами, предлоги показываютъ направленіе дѣйствїй, начало и конецъ оныхъ» [8, с. 112]. Определение «слитных» и «раздельных» предлогов как разноуровневых единиц – слов и их структурных компонентов – наиболее наглядно отображено в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча: «Предлоги имѣютъ въ языкѣ двоякое назначеніе: во первыхъ, употребляются оные, какъ корни придаточныя предъидущїе, въ образованїи разныхъ частей рѣчи <...>; во-вторыхъ, поставляются оные, какъ частицы рѣчи <...> для означенія отношенїй, существующїхъ между предметами и качествами или дѣйствїями, кои выражаются сими словами» [9, с. 232].

В XX веке функциональным направлением лингвистики в качестве дифференциальных признаков слова предлагается считать наличие у него категориального значения, морфемной структуры, парадигмы изменения и синтаксической функцией [25, с. 457], в связи с чем предлоги на основании обладания релятивной семантикой, возможности занимать определенную синтаксическую позицию и влиять на содержание и форму синтаксических единиц – от словоформы и словосочетания до самого предложения и речи в целом – были отнесены

к классу слов (В. А. Богородицкий, Й. Вахек, С. И. Карцевский). При этом, как и в языковедении XVIII–XIX вв., встает проблема определения категориального значения предлогов. Так, одни лингвисты в силу того, что звуковая оболочка служебных слов не способна отражать предмет или явление действительности, отрицают существование у предлогов лексического значения как «вещественного», материального содержания и признают наличие у них ослабленного семантического наполнения, выражающего релятивность (В. В. Виноградов, Ю. С. Маслов, Е. Н. Сидоренко, А. А. Реформатский). Другие расширяют само понятие «лексического значения» до способности иметь постоянное содержание, соотносимое с элементом внеязыковой действительности (А. В. Бондарко, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова), и под лексическим значением предлогов предлагают понимать «семантические элементы, связанные с конкретизацией обстоятельственных отношений» [29, с. 424], а выражаемую ими падежную семантику считать их грамматическим значением (Н. П. Колесников, А. Н. Тихонов, С. В. Чесноков, Н. М. Шанский).

Приставка в функциональной школе рассматривается как модифицирующая корневую морфему структурная единица слова (О. С. Ахманова, Д. Э. Розенталь, Г. П. Цыганенко). В результате случаи употребления одного звукового комплекса и в качестве предлога и в качестве префикса определяются как явления межуровневой функциональной омонимии (В. В. Бабайцева, Е. П. Калечиц, О. М. Ким, В. Н. Мигирин).

Выводы. В ходе исследования дефиниций непроемных предлогов в словарях и грамматиках XVIII–XIX вв. была выявлена динамика осмысления семантики предлогов как «знаменательных слогов» [морфем], формирующих состав морфемной структуры слова либо оформленных в отдельную лексему; как «первообразных слов» [непроемных основ], реализуемых либо на морфемном, либо на синтаксическом ярусе языка; как «придаточных корней» [аффиксов] и слов служебной части речи. Понимание непроемного служебного слова как «слога», входящего в состав морфемной структуры слова либо оформленного в отдельную лексему, формирует морфемную концепцию языкового статуса предлога, которая заключается в определении предлогов как единиц, тождественных падежным окончаниям, – «формальных слов» или «слов форм». «Слоговая концепция» языковой природы предлогов в XX веке получает развитие в структурном направлении лингвистики, классифицирующем предлоги с точки зрения отсутствия у них словообразовательной членимости как промежуточное

образование – «слова-морфемы», находящиеся наряду с аффиксами в составе формообразующих средств языка. В концепции предлогов как «первообразных слов» [непроизводных основ], реализуемых либо на морфемном, либо на синтаксическом ярусе языка, полнозначная лексема осознается свернутым предложением, словообразовательные морфемы которой являются реликтами древнейших «слов-понятий», а формообразующие – «слов отношений понятий». Предлоги на основании того, что в дофлексионный период развития языка не существовало лексико-грамматических категорий, определяются как корни-основы, содержащие нерасчлененное суждение. Данные идеи находят отражение в современной когнитивно-ономасиологической концепции служебных слов, которая заключается в установлении связи значения, подлежащего вербализации, с формой его выражения и определяет непроизводные служебные слова свернутыми пропозициональными структурами. Определение предлога как «придаточного корня» [аффикса] и слова служебной части речи отражает функциональный подход к изучению языковых единиц, основанный на установлении их назначения в языке.

Таким образом, представления сравнительно-исторического метода о языковой природе предлогов находят отражение в базовых идеях основных направлений лингвистики XX века – структурном, когнитивном и функциональном, и продолжают быть дискуссионными на настоящем этапе развития отечественной научной мысли.

Литература

1. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений : [в 3-х т.] / Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. – Москва : Университетская типографія (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ, 1861–1880. – Т. 3 : Сочиненія филологическія, Ч. 2 : Опытъ русской грамматики. – 1880. – [XXXVI], [VIII], [III], 479, [151] с.
2. Алексѣевъ П. А. Церковный словарь или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ, въ священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ : [в 4-х ч.] / сочиненный Московскаго Архангельскаго Собора Протопресвѣтеромъ и Императорско Россійской Академіи Членомъ Петромъ Алексѣевичемъ Алексѣевымъ. – Вновь исправленный и противу втораго издания весьма многими словами и реченіями дополненный. – Москва : Синодальная типографія, 1816. – Ч. 3 : От Н до С. – 329 с.
3. Блумфильд Л. Язык / Леонард Блумфильд ; [пер. с английского Е. С. Кубряковой, В. П. Мурат; под ред. и с предисловием М. М. Гухман]. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.
4. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики : из университетских чтений / Василий Алексеевич Богородицкий. – [5-е изд., перераб.]. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1935. – 223 с.

5. Буслаевъ О. И. Опытъ исторической грамматики русскаго языка : учебное пособие для преподавателей : [Ч. 1-2] / Оеодоръ Ивановичъ Буслаевъ. – Москва : Университетская типографія, 1858. – 2 т. – (Учебные руководства для военно-учебныхъ заведений). – Ч. 1 : Этимологія. – [XL], 244, [12] с. – Ч. 2 : Синтаксисъ. – [X], 428, [2] с.
6. Виноградов В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) : [учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература»] / Виктор Владимирович Виноградов. – [3-е изд., испр.]. – М. : Высшая школа, 1986. – 559 с.
7. Вихованецъ І. Р. Прийменникова система української мови / Іван Романович Вихованецъ – К. : Наук. думка, 1980. – 287 с.
8. Востоковъ А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная / Александръ Христофоровичъ Востоковъ. – Двѣнадцатое изданіе. – Санктпетербургъ : Императорская Академія Наукъ, 1874. – [XII], 201, [4] с.
9. Гречъ Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ / Николай Ивановичъ Гречъ. – Санктпетербургъ : Типографія Императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома, 1827. – [VIII], 578, [1] с.
10. Давыдовъ И. И. Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка / [Второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, под ред. Академика Ивана Ивановича Давыдова]. – Третіе изданіе. – Санктпетербургъ : Императорская Академія Наукъ, 1854. – [LXII], 512 с.
11. Добиашъ А. В. Опытъ семасиологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка / Антонъ Вячеславовичъ Добиашъ. – Прага, 1897. – 286 с.
12. Конюшковецъ М. И. Функции предлога [Электронный ресурс] / М. И. Конюшковецъ // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту : збірник наукових праць, присвячений ювілею професора А. П. Загнітка. – Донецьк : ДонНУ, 2004. – С. 196–202. – Режим доступа: <http://mova.dn.ua/content/view/34/8/1/3/>
13. Краткий словарь когнитивныхъ терминовъ / [В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац; под общ. ред. Е. С. Кубряковой]. – М. : Филологический фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
14. Кубрякова Е. С. Ономасиологические характеристики комплексныхъ единицъ словообразовательной системы / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы русскаго словообразования : сборникъ научныхъ статей / [Отв. ред. А. Н. Тихонов]. – Ташкент : Укитувчи, 1982. – С. 21–25.
15. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическомъ освещении / Елена Самойловна Кубрякова – М. : Наука, 1978. – 115 с.
16. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Елена Самойловна Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
17. Кургановъ Н. Г. Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку русскаго языка со многими присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія [Текст] / составленный Профессоромъ и Кавалеромъ Николаемъ Гавриловичемъ Кургановымъ. – Пятое изданіе. – Санктпетербургъ : Императорская Академія Наукъ, 1793. – Ч. 1. – [X], 394 с.

18. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : что категории языка говорят нам о мышлении / Джордж Лакофф ; [пер. с английского И. Б. Шатуновского]. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

19. Ломоносовъ М. В. Россійская грамматика Михайла Васильевича Ломоносова [Текст] / Михайло Васильевич Ломоносовъ. – Санктпетербургъ : Императорская Академія Наукъ, 1755. – 210, [3] с.

20. Первая русская грамматика на родном языке : (Доломоносовский период отечественной русистики) [Текст] / Адогуров Василий Евдокимович; [под ред. и с предисловием Б. А. Успенского]. – М. : Наука. 1975. – 232, [1] с.

21. Погодинъ А. Л. Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ / Александръ Львовичъ Погодинъ. – Варшава: Типографія Варшавскаго учебнаго округа, 1903. – 310 с.

22. Потехня А. А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ [в 2-х ч.] / Александръ Афанасиевичъ Потехня. – Воронежъ : Типографія Н. Д. Гольдштейнъ, 1874. – Ч. I : Введение. – 157, [4] с.

23. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова [Текст] / Антон Алесеевич Барсов; [под ред. и с предисловием Б. А. Успенского]. – М. : Изд-во Московского университета, 1981. – 776 с.

24. Россійская грамматика сочиненная Императорскою Россійскою Академією / Императорская Россійская Академія. – Третье изданіе. – Санктпетербургъ : Типографія Императорской Россійской Академіи, 1819. – [IV], [III], 273, [1] с.

25. Русская грамматика : [в 2-х т.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология / [редкол. Шведова Н. Ю. (гл. ред.) и др.]. – 1980. – 783 с.

26. Селиванова Е. А. Когнитивно-ономасиологический аспект фразеологического семиозиса / Е. А. Селиванова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме : Четвертые Жуковские чтения) : материалы Международного научного симпозиума (Великий Новгород, 4–6 мая 2009 г.) / [Отв. ред. В. И. Макаров]. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 69–72.

27. Срезневскій И. И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памяткамъ : [в 3-х т.] / [Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, под ред. Измаила Ивановича Срезневскаго]. – Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1893–1912. – Т. 3 : Р–А и дополненія. – 1912. – [4], 842, [136], [13] с.

28. Чейф У. Л. Значение и структура языка / Уоллес Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.

29. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Словообразование и морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М. : Наука, 1981. – 270 с.

30. Шахматов А. А. Синтаксис русскаго языка / Алексей Александрович Шахматов. – [изд-е 2-е]. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.

31. Шимкевичъ Ѳ. С. Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими славянскими нарѣчїями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками / Ѳедоръ Спиридоновичъ Шимкевичъ. – Санктпетербургъ : Императорская Академія наукъ, 1842. – Ч. 1. – [XXXVI], 160 с.

32. Шишковъ А. С. Собраніе сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова, Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена. / Александръ

Семеновичъ Шишковъ – С. Петербургъ: Типографія Императорской Россійской Академіи, 1825. – Ч. 5.– 416, [3] с.

Стаття надійшла до редакції 21.09.2012 р.